УДК 130.2:167

А. В. Тимошевский

Актуализация идеографического метода в исследованиях культуры

Анализируются предельные методологические основания теории культуры в междисциплинарной синергетической парадигме и ее основные идеологемы. Показывается эвристическая ограниченность синергетического подхода и его недостаточность для описания и объяснения социокультурной реальности. Подвергаются критике постулат о том, что законы развития культуры есть продолжение законов развития природы, и представление о всеобщем развитии Вселенной, подчиняющемся единым универсальным законам. Обосновывается теоретическая несостоятельность сциентистского тезиса о синергетической парадигме как универсальном методе научного познания. Показывается, что эта парадигма, в основе которой лежит представление об универсальности законов природы, представляет собой физикалистскую вариацию когнитивной стратегии постмодернистской версии философского прагматизма. Обосновывается тезис о том, что не может быть универсального метода научного исследования, пригодного для исследования всех без исключения объектов. Критикуется постулат И. Р. Пригожина, согласно которому любой порядок рождается из хаоса. Показывается, что культурная жизнь не детерминируется природными законами. Утверждается, что как феномен социокультурной реальности человек не может быть выражен в естественнонаучных и математических терминах, вполне приложимых к описанию и объяснению природных явлений. Предполагается, что как уникальное внеприродное, культурное явление человек обладает принципиальной непредопределенностью, незаменимостью, неповторимостью, незавершенностью, несводимостью и не может быть подвержен естественнонаучной редукции. Обосновывается невозможность экстраполяции методов естествознания на исследование социокультурной реальности. Показывается, что идеографический (индивидуализирующий) метод является единственно адекватным и оптимальным способом описания и объяснения социокультурных процессов, и обосновывается необходимость его актуализации в современной культурологии на примере антропологического подхода.

Ключевые слова: социокультурная реальность, методологические основания теории культуры, междисциплинарная синергетическая парадигма, глобальный эволюционизм, диалектика, метафизика, детерминизм, детерминация, синергетический подход, антропологический подход, социокультурный подход, социокультурная антропология, номотетический метод, идеографический метод, науки о природе, науки о культуре, М. К. Мамардашвили, И. Р. Пригожин, Г. Риккерт

Aleksandr V. Timoshevskii

Actualization of the ideographic method in culture studies

The article analyzes the ultimate methodological foundations of the theory of culture in the interdisciplinary synergetic paradigm and its main ideologies. The heuristic limitations of the synergetic approach and its insufficiency for describing and explaining the sociocultural reality are shown. The postulates that the laws of the development of culture are the continuation of the laws of the development of nature, and the idea of the universal development of the Universe, subject to a single universal law, are criticized. Substantiates the theoretical non-sufficiency of the scientistic thesis of the synergetic paradigm as a universal method of scientific cognition. It is shown that this paradigm, which is based on the idea of the universality of the laws of nature, is a physicalist variation of the cognitive strategy of the postmodern version of the philosophical pragmatism. The thesis that there can be no universal method of scientific research suitable for the study of all objects without exception is substantiated. The postulate of I. R. Prigozhin is criticized, according to which any order is born out of chaos. It is shown that cultural life is not determined by natural laws. It is argued that as a phenomenon of sociocultural reality, a person can not be expressed in natural science and mathematical terms that are quite applicable to the description and explanation of natural phenomena. It is assumed that as a unique extra-natural, cultural phenomenon, a person has a fundamental uncertainty, inefficiency, uniqueness, incompleteness, irreducibility, and cannot be subject to natural scientific reduction. The impossibility of extrapolation of natural science methods to the study of sociocultural reality is substantiated. It is shown that the ideographic (individualizing) method is the only adequate and optimal way to describe and explain the sociocultural processes, and the necessity of its actualization in modern cultural studies on the example of anthropological approach.

Keywords: sociocultural reality, methodological foundations of the theory of culture, interdisciplinary synergetic paradigm, global evolutionism, dialectics, metaphysics, determinism, determination, synergetic approach, anthropological approach, sociocultural approach, sociocultural anthropology, nomothetical method, ideographic method, science of nature, science of culture, M. K. Mamardashvili, I. R. Prigozhin, Heinrich Rickert

DOI 10.30725/2619-0303-2019-2-22-27

Еще Аристотель отмечал, что метод, методос (μέθοδος) как путь следования в постановке и разрешении проблем должен соответствовать объекту познания. Со времен Аристотеля мало что изменилось – доминирующая сегодня парадигма творческого научного поиска по-прежнему сводит основную задачу любого исследователя к установлению ноэсиса (νόησις) – высшей мысли, улавливающей истину с помощью правильного методоса.

Поиск оптимального метода, эвристически полно и точно соответствующего наиболее сложному познавательному объекту – культуре, начался задолго до возникновения научной культурологии. В самом общем плане начало этого поиска связано с полемикой софистов и Сократа о месте человека в природном мире, размышлениями киников, противопоставлявших культуру и природу. Его продолжение мы находим в идеях Августина Аврелия и Фомы Аквинского, Роджера Бэкона и Фрэнсиса Бэкона, Лейбница и Декарта, Гердера и Канта, Шеллинга и Гегеля, Конта и Маркса, Ницше и Бергсона, Г. Риккерта и Б. Кроче, М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, П. Сорокина и М. Де Унамуно, А. Кребера и К. Клакхона, Т. Куна и П. Фейерабенда, М. Шелера, М. Фуко и Р. Барта. Список перечисленных персоналий, в той или иной мере занимавшихся рефлексиями методологических проблем исследования культуры, крайне неполон, и его можно дополнить множеством других имен либо фактически (уточняя простое количество персоналий), либо эссенциалистически (исходя из того, кто из персоналий внес наиболее существенный вклад в постановку и решение этих проблем).

Однако целью статьи является не дескрипция эволюции сложившихся методологий культуры в соответствии с известной схемой академика В. С. Степина – классика-неклассика-постнеклассика, а стремление понять движение мышления, в котором рефлексии вновь должны быть подвергнуты уже не конкретные методы культурологии, а ее предельные методологические основания в свете актуальных проблем исследования культуры.

С этой точки зрения следует признать, что историческая смена познавательных стилей мышления привела на рубеже XX–XXI в. к созданию междисциплинарной синергетической парадигмы, которая по сути основана на философском постулате Гердера – между культурой и природой нет никакой пропасти, законы развития культуры есть продолжение законов развития природы. Концептуальный стержень синергетической парадигмы – это представление о всеобщем развитии Вселенной, подчиняющемся единым универсальным законам (глобальный эволюционизм). Как постнеклассическое направление междисциплинарного развития науки, она представляет собой синтез трех элементов – собственно синергетики Г. Хакена, теории диссипативных структур («неравновесной термодинамики») И. Пригожина и теории катастроф Р. Тома.

На синергетическую парадигму уже в самом начале ее генезиса возлагались большие надежды. Первые успехи в применении синергетической методологии к самым различным объектам – природным, социальным, культурным, продуцировали громадное разнообразие как новых теоретических моделей, так и категориально-понятийный аппарат, поражающий не столько своей принципиальной научной новизной, сколько универсальностью методологии.

Синергетика ворвалась в науку подобно урагану, разрушая на своем пути все традиционные устоявшиеся понятия, концепции, теории и возводя на их останках новую теоретическую конструкцию мироздания, в которой нет места ложному метафизическому взгляду на мир. Торжество синергетического подхода в новейшей науке создало беспрецедентную ситуацию – веру ученых в то, что наконец-то найден единственно верный всеобщий метод познания, кладущий бесславный конец бесплодным философским размышлениям о неизменных сущностях вещей. «Вечная» антитеза метафизики и диалектики была аннигилирована. Любое научное мышление, апеллирующее к неизменным квинтэссенциям, в соответствии с «бритвой Оккама» подвергалось остракизму и «объявлялось вне закона». В научной среде утверждались сциентистские настроения, все больше ученых сходилось во мнении, что наступило время, когда «природа перестала прятаться», и методологический кризис, о котором так саркастично писал П. Фейерабенд, преодолен раз и навсегда. Кризис – дар судьбы спящему человеку. Как утверждал Гераклит, для «бодрствующих существует один общий мир, для спящих – только свой собственный». Предполагалось, что именно научная синергетика наконец-то «пробудила» все человечество, создав мощную, истинную и объективную, научную, а не «всего лишь» философскую, единую картину общего мира – мира глобального эволюционизма, в котором πάντα ῥεῖ καὶ οὐδὲν μένει – все течет, все изменяется.

Однако непредвзятый исследователь, знакомый с работами И. Пригожина, Н. Н. Моисеева, С. П. Капицы, С. П. Курдюмова, В. Г. Буданова и других синергетиков, признает тот факт, что за обилием относительно новых терминов (диссипация, флуктуация, аттрактор, фрактальные объекты, когерентность, гомеостазис, сверхаддитивный эффект, автопоэзис) и терминов, представляющих собой несомненные рецепции (самоорганизация материи, динамический хаос, «хоровод» Вселенной как взаимопереходы хаоса и порядка,

«диалоговая эпистемология Я-Другой»), скрываются всего лишь две несложные идеологемы, к которым сторонники синергетической парадигмы пытаются редуцировать всю сложность мироздания. Это: 1) идея мира как порядка и беспорядка, и 2) идея несуществования объективной реальности и субъекта, познающего эту реальность. Научная истина в этом случае понимается как субъективный, аксиологический образ «объективного» мира (его «гештальт»); иначе говоря – всего лишь как коммуникативная ценность ответственного исследователя, стремящегося к «истине».

Но если это так, то междисциплинарная синергетическая парадигма, в основе которой лежит представление об универсальности законов природы, на поверку оказывается не более чем физикалистской вариацией когнитивной стратегии постмодернистской версии философского прагматизма. Известно, что еще А. Эйнштейн как физик весьма симпатизировал упомянутому выше принципу У. Оккама, придав ему оригинальную формулировку – «все следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того». Но упрощать – значит редуцировать сложное к простому. На наш взгляд, синергетическая парадигма как раз и представляет собой представляет собой блистательный пример современной редуктивной науки, основывающейся на двух оккамовских постулатах: все надо объяснять 1) самым простым и 2) самым естественным образом.

Как и математика у Галилея и Ньютона, синергетический лексикон сегодня претендует на роль универсального языка науки, с помощью которого описываются открываемые ею всеобщие законы, номосы (νομοί), объясняющие абсолютно все явления – как природные, так и социально-культурные. Как и физика у Галилея и Ньютона, сводивших все многообразие мира к двум простым величинам – атомам и пустоте, синергетика в наши дни редуцирует все мировые процессы к двум элементарным предельным основаниям – хаосу и порядку. Поразительно, но сторонники синергетической парадигмы всерьез полагают, что в силу своей холистской направленности она имеет такой же статус, как и восточная религиозно-мифо-философская картина мира, в которой мироздание осмысливается как единое неразрывное целое, где любое событие когерентно, т. е. связано с другими событиями необходимыми законами единого мира. Этот аспект особенно настойчиво подчеркивается в монографии В. В. Васильковой «Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации». Автор монографии видит истоки синергетической парадигмы в представлениях о хаосе и порядке в древних космогониях и объясняет динамику социокультурной реальности культурными архетипами идеального миропорядка [1, с. 84–107, 346–457].

И здесь мы подходим к очень важному с точки зрения тематики этой статьи моменту: первая идеологема, предложенная Хакеном и Пригожиным, не просто постулирует синергию (συνεργία) природы, общества и культуры, т. е. их общую универсальную взаимосвязь. Именно эта взаимосвязь и является предметом синергетики. Однако Пригожина эта взаимосвязь интересовала как момент становления, а не последняя стадия в развитии единой системы «природа – общество – культура». Этот момент становления «нового бытия» И. Р. Пригожин постулировал и преимущественно исследовал как процесс самоорганизации порядка из хаоса [2, с. 236–274]. Причем акцент он делал на необратимости этого процесса ввиду существования энтропийного барьера в эволюции динамических систем [2, с. 324–361]. Ниже мы вернемся к этому синергетическому постулату, поставив вопрос о самой возможности возникновения культуры из «хаоса».

По мнению М. А. Можейко, И. Пригожину удалось преодолеть методологическую ограниченность классического жесткого динамического детерминизма, поскольку «презумпция научного предсказания в классическом смысле сменяется… презумпцией „проблемного описания“» [3, с. 45].

Рассматривая постмодернистский отказ от линейного детерминизма в современной гуманитаристике, М. А. Можейко обращает внимание на то, что он означает не тотальный отказ от линейного детерминизма в принципе, а отрицание его тотального статуса, связанного с идеей детерминирующей и генерирующей внешней причины.

Например, применительно к художественному произведению в классическом смысле можно говорить о его авторе как внешней причине появления этого произведения и принципиально возможных семантических вариантах его прочтения. Но, с точки зрения постмодернистской версии детерминизма, «текст» («художественное произведение») не имеет ни определенного автора, ни точных, определенных смысловых нагрузок, потому что «Бог играет в кости»:

> Р. Барт, последовательно проводя идею нелинейности, фиксирует применительно к Тексту то обстоятельство, что возможные семантические версии его прочтения (варианты означивания) как «игры письма» являются принципиально непредсказуемыми, т. е., по Р. Барту, «текст не следует понимать как нечто исчислимое»… проблема интерпретации текста выступает… принципиально «неразрешимой», причем данная «неразрешимость – это не слабость, а струк-

турное условие повествования: высказывание не может быть детерминировано одним голосом, одним смыслом… Письмо и заключается в этой утрате исходной точки, утрате первоисточника, побудительной причины… взамен этого рождается некий объем индетерминаций или сверхдетерминаций – собственно, этот объем и есть означивание» [3, с. 46–49].

Несколько иной подход мы встречаем в указанной выше монографии В. В. Васильковой: «Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации». Рассматривая синергетические методы интерпретации социальных процессов, В. В. Василькова утверждает, что «сам характер социальной эволюции связан со способностью социальных систем быть открытыми, использовать для своего развития и самоусложнения механизмы положительной обратной связи. (В этом плане социальная эволюция есть продолжение эволюции живой природы.) Действие этих механизмов описывается принципом минимума диссипации энергии… Этот принцип работает на всех этапах земной жизни, хотя проявляется по-разному в живой и неживой природе» [1, с. 256].

Таким образом, в отличие от М. А. Можейко, В. В. Василькова допускает существование «внешней причины» (детерминанты), заставляющей эволюционировать как природные, так и социокультурные процессы, понимая под ней механизмы положительной обратной связи.

Уточняя понятие этих механизмов, автор монографии вводит понятие социального метаболизма (межсистемного обмена), представленного тремя основными потоками: ресурсной сферой, экономической сферой, информационно-культурной сферой. Каждый из этих потоков взаимодействует друг с другом. Например, обмен человеческими ресурсами есть форма проникновения в общество культурных новшеств.

В эволюции социокультурных процессов В. В. Василькова особо выделяет многократно возникающую зависимость – любое сообщество делает спурт в своем развитии, когда оно «открывается миру», усиливает свои контакты с другими сообществами. Это создает ситуацию неравновесности, когда экзогенные детерминанты интенсифицируют активность эндогенных детерминант. В результате возникает социально-культурная динамика, генерирующая новые социокультурные структуры. Примерами таких детерминант могут служить возникновение рынка, войны, диалоговая культура Ренессанса, колониальная политика Испании и Англии, введение Кодекса Наполеона во Франции; в отечественной истории – византийские, скандинавские и западноевропейские влияния, реформы Петра I, отмена крепостного права, три социальных революции начала XX в. [1, с. 260–265].

Для теоретического обоснования своей синергетической методологии В. В. Василькова также прибегает к теории длинных волн Н. Д. Кондратьева, которая, по ее мнению, предельно точно моделирует чередование процессов возникновения порядка и процессов сохранения порядка в социокультурной динамике [1, с. 283–343].

Следует признать, что синергетическая методология действительно получила небывало широкое распространение в социальном и гуманитарном знании. Синергетический подход развивается в исторических науках, в лингвистике, прогностике, кибернетике, программировании и многих других. Примером такого подхода является культурный релятивизм, декларирующий идею, что разные культурные сообщества имеют разные когнитивные парадигмы понимания и объяснения мира. В частности, в гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа предполагается, что каждый язык генерирует свою собственную онтологию мира. В соответствии с этим, сторонники синергетической парадигмы надеются, что в ее рамках в будущем сложится принципиально иной язык науки, который будет отвечать ее актуальному синергетическому состоянию.

И тем не менее, несмотря на новизну и несомненные достоинства междисциплинарной синергетической парадигмы, надежды на то, что она осуществит новую коперниканско-галилеевскую революцию в познании и, тем более, заложит фундамент единой науки о мире, о неизбежном появлении которой в будущем писал К. Маркс, не сбылись. Критика синергетической парадигмы началась с момента ее возникновения, и в последние годы она только нарастает. История науки показывает, что не может быть универсального метаисторического метода научного исследования, пригодного для исследования всех без исключения объектов, и что каждому феномену, познаваемому научным разумом, должен соответствовать свой специфический способ познания, который и приведет к желанному еще для античных греков и римлян ноэзису. Об этом свидетельствуют, например, следующие капитальные работы: «Отечественная философия науки: предварительные итоги» (Москва, 1997); «Философия познания: полемические главы» (Москва, 2002); «Философия науки» (Москва, 2006); «Эпистемология ценностей» (Москва, 2007); «Объективность науки и релятивизм: к дискуссиям в современной эпистемологии» (Москва, 2004); «Методология науки: исследовательские программы» (Москва, 2007); «Философия науки: XX в.: концепции и проблемы: в 3 ч.» (Санкт-Петербург, 2011);

«Бегство от реальности в гуманитарных науках» (Москва, 2011).

Как бы там ни было, но мода на синергетизм и постмодернизм, задававшая тон в науке и философии со второй половины XX в. до наших дней, постепенно идет на убыль, их эвристические несовершенства у непредвзятых исследователей уже давно не вызывают сомнений. Синергетический постмодернистский поворот в методологии научных исследований становится обратным разворотом в сторону, казалось, безнадежно устаревшей классической и неклассической методологии.

Как нам представляется, этот разворот обусловлен прежде всего эвристической недостаточностью основной идеи синергетики, которая не соответствует принципу достаточного основания – попытки «уравнять в правах» все мировые процессы – природные, социальные, культурные. Но был в синергетической парадигме еще один спорный момент, который не сразу бросался в глаза. Это постулат Пригожина, согласно которому любой порядок рождается из хаоса. В том числе и культура.

О том, что культура – не «хаос», а всегда «порядок», и она никогда не возникает из природного хаоса, мы уже писали в статье «Трансгрессивное сознание как культурно-исторический феномен»: «Культура есть ограничение, предел и смысловая граница, которые изначально, предельно и априорно введены в человеческую жизнь» [4, с. 60].

Однако одним из первых, кто обратил внимание на явную сомнительность постулата Пригожина, был М. К. Мамардашвили: «то, что я называю культурным состоянием или… состоянием мысли, это некоторая историческая точка, точка самоподдерживающаяся и пребывающая живой на безумно закручивающейся кривой. И она имеет бескультурье не позади себя. Культура не есть нечто, возникающее из хаоса. Хаос и бескультурье не сзади, не впереди, не сбоку, а окружают каждую историческую точку. Так же, как в математике рациональные числа окружены в каждой точке иррациональными числами. В том числе и потому, что сама культурная форма существования наших мыслей… фундаментально предполагает в себе незнание» [5, с. 76].

Как и Пригожин, Мамардашвили ставил вопрос о предельных основаниях культуры, но решал его совершенно иначе: вся проблематика культурологии сводится не к проблемам культуры, а к человеку в культуре. Речь идет не о безличных синергетических аттракторах, бифуркациях и флуктуациях, описывающих культурную жизнь как такое же явление, как и любой природный процесс, а о поиске человеком основания своей жизни в этом мире, т. е. своего собственного лица. Есть звезды и звезды – звезды как «объективные» физические астрономические тела и звезды как субъективное кантовское «небо над головой», которое поражает, удивляет, восхищает и манит к себе человека своей тайной, и эту тайну объяснить научно невозможно. Человек, полагал Мамардашвили, не живет в мире природных «небесных» звезд, он существует в совсем ином звездном мире – внеприродном. И тот, кто уже не замечает звездного неба над головой, тот презирать себя уже не может и приговаривает: «мы счастливы, мы счастливы, и подмигивает» (Ницше). Аттракторы и флуктуации в культуре не есть ее самодостаточное предельное основание. Предельное основание культуры – это «сверхчеловек», т. е. какое-то предельное для человека состояние, только устремляясь к которому и можно стать человеком. Это предельное состояние невозможно выразить в естественнонаучных и математических терминах, вполне приложимых к описанию и объяснению природных явлений. Оно постигается человеком самой его жизнью и только из самой человеческой жизни, которая есть культура, а не природа. Культура, по мнению Мамардашвили, – это и не совокупность духовных ценностей, хранящихся в музеях и библиотеках, а ощущение человеком своего бытия или небытия в качестве человека, а не природного существа [5].

На наш взгляд, своей концепцией культуры М. К. Мамардашвили еще в конце XX в. убедительно показал, что синергетическая парадигма имеет крайне ограниченные познавательные возможности в исследовании социокультурных процессов, и прежде всего в объяснении человека. И сегодня все большее число ученых и философов осознает познавательную ограниченность и неуниверсальность синергетической методологии. Поэтому происходящий в современной гуманитаристике эпистемологический разворот от постнеклассической парадигмы к другим методологиям выглядит вполне естественным и логически, и исторически.

Среди этих парадигм особое место занимает классический антропологический принцип, основывающийся на понимании культуры как способа саморазвития человека. Применение этого принципа в современных исследованиях социокультурной сферы подробно рассмотрено в монографии Л. К. Кругловой «Избранное: антропологический принцип в культурологии: теория и практика» (Москва, 2018).

Одним из вариантов антропологического подхода в сфере культуры является социокультурная антропология, которая рассматривает родового человека как субъекта социокультурного мира и самосозидающееся существо, сущность которого внеприродна. Согласно социокультурной антропологии, человек свободно строит себя

из природной, биологической материи, которой он не является. Подобное самосозидание возможно лишь потому, что человек становится человеком только в мире культуры, которая не возникает из эмпирического природного материала. Антропологический взгляд на социокультурную реальность обладает рядом достоинств – целостностью видения; наличием личностной позиции исследователя; непосредственностью живого контакта с познаваемым объектом; способностью проникнуть в латентные структуры социокультурной реальности [6, с. 6–8].

Итак, на примере культурной антропологии мы видим, что эпистемологическая ситуация в современной культурологии складывается не в пользу междисциплинарной синергетики. Поворот в исследованиях социокультурных процессов к антропологической методологической парадигме фактически означает возвращение к знаменитой бинарной антитезе двух методов познания, сформулированной Г. Риккертом, – номотетического и идеографического методов. Синергетическая парадигма оказалась современным вариантом первого метода, антропологический подход – вариантом второго.

Эвристический путь мышления в поисках оптимального метода познания, пройденный от софистов и Сократа до М. Фуко и Р. Барта, показывает, что номотетический (генерализующий) метод оптимален для естествознания, где главной задачей исследования является выработка общих понятий и формулировка универсальных (общих) законов и закономерностей развития природы. Идеографический же (индивидуализирующий) метод был и остается единственно адекватным и оптимальным способом описания и объяснения исторических, социальных и культурных процессов, поскольку в культуре и человеческой истории все уникально и неповторимо. Человек не живет в мире физических предметов, он не существует в «объективном» физическом времени, а «вращается» во временных кругах своего мышления и своей внеприродной чувственности и одновременно может пребывать и в «настоящем», и в «прошлом», и в «будущем». Он есть та самая неповторяющаяся историческая «точка» культуры, которая не имеет природного хаоса «позади себя» как своей первопричины. Человек – это центр принятия решений, он – причина своих собственных следствий. Как уникальное внеприродное, культурное явление он обладает принципиальной непредопределенностью, незаменимостью, неповторимостью, незавершенностью и несводимостью. Как «точка» закручивающейся «культурной кривой», человек не может быть подвержен естественнонаучной редукции. Поэтому как никогда актуально и проницательно сегодня звучат слова Риккерта о принципиальной неустранимой противоположности природного и историко-культурного бытия и невозможности экстраполяции методов естествознания на исследование культурно-исторической реальности [7, с. 208]. Нежелательность этой экстраполяции должна обеспечить ученым необходимый минимум объективности в современных исследованиях культуры.

Список литературы

1. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: синергетика и теория социальной самоорганизации. Санкт-Петербург: Лань, 1999. 480 с.

2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. Москва: Прогресс, 1986. 432 с.

3. Можейко М. А. Идея нелинейности и феномен неодетерминизма: методологический поворот в современной науке // Социология. 2012. № 2. С. 39–53.

4. Тимошевский А. В. Трансгрессивное сознание как культурно-исторический феномен // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 2. С. 57–60.

5. Мамардашвили М. К. Мысль в культуре // Философские науки. 1989. № 11. С. 75–81.

6. Социокультурная антропология: история, теория и методология: энцикл. слов. / под ред. Ю. М. Резника. Москва: Академ. проект: Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.

7. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки. Санкт-Петербург: Наука, 1997. 533 с.

References

1. Vasil'kova V. V. Order and chaos in development of social systems: synergetic and theory of social self-organization. Saint Petersburg: Lan', 1999. 480 (in Russ.).

2. Prigozhin I., Stengers I. Order out of chaos: new dialogue between man and nature. Moscow: Progress, 1986. 432 (in Russ.).

3. Mozheiko M. A. Idea of nonlinearity and phenomenon of non-determinism: methodological turn in modern science. *Sotsiologiya*. 2012. 2, 39–53 (in Russ.).

4. Timoshevskii A. V. Transgressive consciousness as cultural and historical phenomenon. *Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture and Arts*. 2017. 2, 57–60 (in Russ.).

5. Mamardashvili M. K. Thought in culture. *Filosofskie nauki*. 1989. 11, 75–81 (in Russ.).

6. Reznik Y. M. (ed.) Sociocultural anthropology: history, theory and methodology: encycl. dict. Moscow: Akademicheskii proekt: Kul'tura; Kirov: Konstanta, 2012. 1000 (in Russ.).

7. Rickert H. Limits of concept formation in natural science: logical introduction to n historical sciences. Saint Petersburg: Nauka, 1997. 533 (in Russ.).